

Цветы у подножия карусели

Татьяна Иванова.

Валентин Волченков (фото)

Дмитрий Михайлович Козюков каждый год обязательно приходит в сад алюминщиков, приводит внуков и, оставаясь возле высокой стройной сосны, говорит: «Вот здесь, дети, похоронена ваша прабабушка и моя младшая сестренка Дуся, умершая с голоду в 1932 году». В это время гудел приписным энтузиазмом Кузнецкстрой, да и вся страна о том же шумела. Спецпереселенцы вагонами прибывали в Сталинск на новую стройку. Так что взглядов было два: один из светлых окон комитетов, другой - из проема землянки. Семья Козюковых приехала строить гигант в теплушках для скота - восемь человек. Позже приехала бабушка и родилась сестренка Дуся. Обе не выдержали сибирских испытаний и самовольно покинули черные бараки. Однако в этом случае никакой конвой остановить их не смог - похоронили бабушку и внуку в одной могиле на кладбище, где теперь разбит сад алюминщиков. Многие спецпереселенцы нашли здесь свой покой.

Педагога Константиновна и Дуся, прожившая на свете всего год, ничего в своей жизни не имели, не имеют и в смерти - их могила была в нескольких шагах от популярной в пятидесятые и шестидесятые годы детской карусели (сейчас ее тоже нет).

Вместе с Владимиром Павловичем Абрамычевым, бывшим спецпереселенцем, мы отыскивали еле заметный пенек - здесь была елочка, отмечающая могилу родственницы, умершей от родов в 1933 году. Таких пеньков по саду было несметное количество. Все высокие де-

ревя в свое время были саженцами на людских могилах. Город поглотил это скорбное место и распорядился его судьбой так, как счел нужным.

Дмитрий Михайлович с трудом мирится с тем, что бывшее кладбище стало местом увеселений: «С горечью вспоминаю прошлую мученическую жизнь папу и мысленно осуждаю тех руководителей, которые построили на гробах и костях этот сад, а здесь следовало бы построить часовню или поставить памятник. Я всю сознательную жизнь носил ярлык спецпереселенца - не приняли в пионеры, отказали в приеме в комсомол, не записывали в детскую библиотеку. Я был изгоем. И только на фронте я не чувствовал себя униженным, право и обязанность riskовать жизнью были одинаковыми для всех нас. Я чувствовал себя полноправным человеком».

«Моя солдатская шинель, ты и одеж-

да, и постель», - много лет после событий Дмитрий Михайлович станет писать стихи, в том числе и о спецпереселенцах. Дядя Лошкарев, добрейший человек, погиб под каменным обвалом, бабушка Пелагея простыла и умерла после сбора мерзлой капусты для внучат, погибавших от голода. Кроме Дуся, выжили все.

Уже не первый год Новокузнецкая ассоциация жертв политических репрессий добивается строительства памятника спецпереселенцам. Открытие этого памятника или мемориала в саду алюминщиков, возможно, примирило бы тех, кто помнит его как кладбище, и тех, кто желал бы вдохнуть вторую жизнь в опустевшие аллеи сада. Сегодня там не работает ни один аттракцион и тихо, как на погосте. На высокой ограде, вылитой из черного металла, есть химический символ алюминия, невольно читаемый как слово «ад».

